

В соответствии со своими воззрениями на коллективизацию К. развенчивает романтику хутора, единоличного хозяйства, убеждая читателя в неотвратимости перехода к общинной модели жизнеустройства. Роман «Последние мужики» выявил доступную писателю меру исторической правды о трагедии крестьянства, объясняя ее не политикой Сталина, а бесхозяйственностью и самоуправством местных руководителей.

В романе «Последние мужики», как в зеркале, отразились общие тенденции развития крестьянского романа 1930-х: стремление писателей «брать больше вширь, чем вглубь, приводящее к многосюжетной, достаточно запутанной композиции <...> характерная для тех книг „перенаселенность“ персонажами при постоянных обрывах сюжетных нитей» (Сурганов В.с. — С. 221–222).

В конце 1930-х К. переживает творческий кризис. Он не находит в жизни подтверждения своим представлениям о переустройстве деревни, видя, что проводимая экономическая политика породила множество противоречий и привела крестьян к отчуждению от земли. Свое понимание «вольных» проблем деревенской жизни К. изложил в письме к Сталину, но не получил ответа.

В 1940 «Новый мир» (№ 1) опубликовал повесть К. «**На поле Куликовом**» (в 1941 она вышла отд. изд.). В ней автор рассказал о том, как в местах, овеянных памятью исторической битвы, ныне работают трактористы, поднимающие землю, в которой до сих пор попадаются истлевшие кости воинов и старинное оружие. Критика, отметившая актуальность затрагиваемых проблем, расценила, однако, повесть К. как худож. неудачу писателя. (См.: Гоффеншефер В. Заметки о худож. прозе 1940 года // Новый мир. 1941. № 2. С. 193–195).

В июле 1941 К. добровольцем ушел на фронт, служил корреспондентом армейской газ. «Боевой путь». В окт. 1941 после тяжелого ранения под Ельней он попал в окружение и пропал без вести. Узнав о гибели К., Шолохов сказал: «Он не успел сказать главного. А мог. Его „Вукол“, рассказ — настоящий, крутой» (Строка, оборванная пулей. С. 295).

Долгие годы в семье К. хранились черновые рукописи 1-й и 2-й книг «Тихого Дона», ныне они выкуплены у наследников К. государством и хранятся в ИМЛИ им. А. М. Горького.

Соч.: Кому светит солнце: Повести и рассказы. М., 1931; Юг на Севере (О Мичурине И. В.). М., 1934; Звезда Ивана: Повести и рассказы. М., 1936; Большое поле: Повести и рассказы. М., 1941; Повести и рассказы.

М., 1957; Последние мужики: роман / вступ. статья М. Величко. М., 1978.

Лит.: Огнев С. Молодые беллетристы // Красное студенчество. 1921. № 5. С. 107–108; Василий Михайлович Кудашев (1902–1941). Библ. памятка. Воронеж, 1967; Ряховский В. О моем земляке и друге // Строка, оборванная пулей: Московские писатели, павшие на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1976; Величко М. Чекан его души // Там же; Сурганов В.с. Глубокая борозда // Звезда. 1962. № 12; Циммерман П. И. Творческая судьба В. Кудашева и русская крестьянская лит. традиция 20–30 годов: Автореферат канд. дис. СПб., 1991; Дворяшин Ю. А. М. А. Шолохов и русская проза 30–70-х годов. Автореферат докторской дис. М., 1994; Колодный Л. Как я нашел «Тихий Дон». М., 2000. С. 65–77.

В. Н. Запевалов

КУДИМОВА Марина Владимировна [25.11.1953, Тамбов] — поэтесса, прозаик.

Окончила Тамбовский педагогический ин-т. Первые стихи опубликовала в 1969 в тамбовской молодежной газ. «Комсомольское знамя». Печаталась в коллективном сб. «Тропа» (Воронеж, 1972), в ж. «Лит. Грузия», «Континент», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Истина и жизнь» (здесь в № 4, 5, 6 и 7 за 2000 опубликованы ее рассказы о женских судьбах), альм. «Поэзия». Первая книга стихов «**Перечень причин**» вышла в 1982, за ней последовали «**Чуть что**» (1987), «**Область**» (1989), «**Арысь-поле**» (1990).

Открыл К. как талантливую поэтессу Е. Евтушенко. «На ранней поре „тамбовского сидения“ я получила письмо от Евгения Евтушенко, — сообщает К. — Он хвалил мало, но вдохновил собрать рукопись и участвовал в ее прохождении по коридорам. Долго меня этой поддержкой запугивали недруги Евгения Александровича, но ничего страшного не случилось. Я брыкалась и строптивилась изо всех сил, а теперь тяжело переживаю расхождения — во времени и пространстве, а не в убеждениях» (Поэзия: альм. М., 1990. Вып. 55. С. 81).

Оценивал Евтушенко ранние стихи К. так: «Я знаю ее стихи, в частности опубликованные журналом „Литературная Грузия“. Незаурядное явление. Редкое для ее возраста (24 года) профессиональное мастерство, хотя по законам классических примеров мастерство выковывается именно в этом возрасте. Ритмическое разнообразие. Хлесткость, неожиданность рифм. Фольклорная струя, естественно переплетающаяся с современной поэтической техникой. Минимальный процент случайных слов. Легкость, которая

приходит только в результате тяжелой работы. Кудимовой надо выбраться из-под цветастого влияния» (Поэзия: альм. М., 1979. Вып. 24. С. 72).

Более поздняя оценка Евтушенко поэзии К. была такой: «Самобытный человеческий и литературный талант, сумевший прорваться даже во время брежневской стагнации. Лучшие стихи Кудимовой тем не менее ждали долгие годы в столе. Самое, пожалуй, сильное произведение Кудимовой — **„Арысь-поле“**, где русский либерал после разгрома декабристов удаляется в свое имение и начинает жить с лошадей, чтобы от их любви родился гибрид, символизирующий связь интеллигенции и народа. Однако сей русский подвид кентавра погибает, затравленный самим народом. Нечто кентаврье есть и в мощной поэзии Кудимовой, в которой тем не менее прорываются всплески крыл царевны-лебеди, скрытой под напускным богатырством» (Евтушенко Евг. Стrofы века: Антология русской поэзии. Минск; М., 1997. С. 939).

Евтушенко достаточно точно определил основные особенности поэтического таланта К., которые позднее получат свое развитие и углубление. Главная особенность, которая проявляется и во всех остальных, от нее производных, — это кентавризм многопланового худож. мировосприятия К., парадоксальное взаимодействие в нем противоположных начал: скрытое, центристское, интровертивное «всасывание» в себя всей полноты природного и культурно-исторического мира, национального и интернационального, и открытая экстравертивность, центробежность в творческой самоотдаче; романтический порыв к чрезмерности, к выходу за пределы своего «я», и строгое чувство меры в поэтическом слове, в жанровой форме произведения; стремление совместить фольклорность с модернизмом, любовь к народу в духе Некрасова с неоправославием, низкое с высоким, разговорную речь с религиозно-философским содержанием, русское с общечеловеческим, западную ментальность с восточной, новаторство с верностью традициям, развитие личности с развитием общенародного, эпического сознания и культуры.

Этот кентавризм и парадоксализм роднит К. прежде всего с М. Цветаевой, но не уподобляет ей. Свое родство с Цветаевой К. обнаруживает во многом, но главное — в природном темпераменте, соединяющем женственность с мужественностью. Будучи самостоятельной, сильной и волевой личностью, К. не подражает Цветаевой, а обнаруживает глубинное родство с ней.

В центре лирической и повествовательной поэзии К. находится худож. исследование сложных взаимосвязей между плотью и духом, половым инстинктом и осмысленно-одухотворенной жизнью. В лирике поэтессы основной является тема материнства, взятая в ее бытовом и бытийном ракурсе, и тема творческого утверждения женщины (см. «родильный цикл» **«Пауза»**, стих. **«Дебют»** — о рождении дочери как творческой премьеры, и др. стих.). Бытийный смысл материнства в стих. **«Две матери»** («Речь пойдет о несчастной Ниобе, / Что, оставив иные дела, / Не давала покоя утробе / И детей чуть не взвод родила... / Речь пойдет о счастливой Латоне, / Экономившей чрево свое, / И о сыне ее — Аполлоне, / И о девственной дочке ее»).

Святое чувство материнства, рано пробуждающееся у девочек (см. поэму **«Голубятня»**), и чувство одухотворяющей любви, рано пробуждающееся у мальчиков (см. поэму **«Утюг»**), раскрываются и в повествовательно-лирических произведениях К. Парадоксальная взаимосвязь животного и одухотворенного в национально-историческом менталитете русского народа стала предметом худож. исследования в программной поэме К. **«Арысь-поле»** (1976), в кентавризме которой Евтушенко обнаружил только ее верхний, реально-исторический слой, тогда как на самом деле этот кентавризм является многослойным и в глубине своей — метафизическим и символическим. Эта поэма не только о трагедийных взаимоотношениях интеллигенции (конкретно — либерального дворянства) с русским народом (конокрадом Никитой Колтомой), но и о метафизических корнях этих взаимоотношений, о евразийской природе русской ментальности, о взаимодействии в ней языческого и христианского начала. Красавица кобылица по имени Арысь-поле, способная сбрасывать с себя лошадиную шкуру и оборачиваться прекрасной девой, по-разному очаровывает либерального барина-мыслителя, разочаровавшегося в республиканских идеалах декабристов и в насильственном, заговорщическом изменении самодержавного строя, и конокрада Никиту Колтому. Философствующий барин видит в красавице кобылице, образ которой автор поэмы связывает с образом «степной кобылицы» из цикла А. Блока **«На поле Куликовом»** и со сказочным образом царевны-лягушки, символический, природно-эстетический, идеальный образ России-возлюбленной, России-жены. Эту роль жены Арысе напророчил некий «дорожный человек», чернец, назвавший ее «Божьим даром».

Арысь, обернувшись «девою чистой», предстает невестой перед философствующим барином-интеллигентом для того, чтобы вступить с ним в кровосмесительный брак, в «страшный союз» во имя обновления и крепости русского духа, но рефлексирующий, вечно сомневающийся барин ее «пальцем не тронул и шкурки не сжег». Он говорит ничего не понимающему в его речах конокраду: «Мне соглашаться на Божию милость / Подло и мерзко и... черт знает как. / Кровосмесительным актом спасенья / Не оговорен лишь сущий пустяк: / Что и ущербы мои и сомненья / Не защекоcut в сыновних костях. / Что, если этот кентавр-мессия / Скажет однажды, наделавши бед: / — Я на тебя не надеюсь, Россия, / Ибо пророка в Отечестве нет! / В общем, опять она стала кобылой, / И по присловью „не мне — никому“ / Жизнь продолжалась, пошло все как было, / Не одолел полусвет полутьму».

Никита Колтома, слушающий эти речи и не понимающий их тайный смысл, пришел к барину посмотреть на полюбившуюся ему красавицу кобылицу не только как конокрад, но и как представитель русского народа, которому его сожительница шинкаря Марфида напроорочила: «Арысь-поле дура, что ли, / Что тебя не предпочтет! / От тебя падет, Никита, / На Расею светлый луч, / От тебя пойдет, Никита, / Богатырь сильномогуч. / Ей ты муж, дитю — пестун, / Сердце женское — вещун». Выслушав, без должного понимания, барина, который в конце своей притчеобразной речи отметил, что хозяином красавицы кобылицы станет, вероятно, купчина, Никита убивает барина-краснобая. Хозяином кобылицы и вправду становится купец, который в свою очередь хочет ее с выгодой продать английскому богачу. Чтобы показать свой товар, купец садится вместе с англичанином в бричку, запряженную Арысью, а кучерить приказывает Никите; тот летит на Арыси, как на гоголевской птицетройке, но, в отличие от гоголевского Селифана, вытряхивает на ходу и русского купца, и английского покупателя. Купец за хорошую выпивку подговаривает мужиков изловить и убить конокрада; а перед Никитой между тем Арысь-поле оборачивается обнаженной девой со шкуркой на руке, жалующейся, что ей холодно. «Кто-то теплый нужен — / Видно, так уж водится. / Люди, ну и стужа — / Мерзнут Богородицы». Никита набрасывает ей на плечи свой пиджак, говоря: «Ну, ничто, простоволосая моя! / Василек мой, полевая синева... / От таких-то и родятся сыновья».

Однако Арыси пока не суждено было стать русской Богородицей: темные, пьяные, духовно и эстетически нечуткие мужики убивают ее жениха, тоже мужика, но резко выделившегося среди них своей чуткостью к прекрасному — не только к красавице кобылице, но и к метаморфически, преображенно возникшей из нее деве-Богородице. Происходит трагический по своему характеру смертный бой, в котором худшие люди из народа убивают лучшего. «А за что? / И за это, и за то, / Лишь бы кровью облит. / За язык и за разбой, / За подметочки с резьбой, / За ухмылку над судьбой — / Смертный / бой! / За кобылку Арысь-поле / Мы возьмем тебя в дреколь. / За сыночка за ее / Мы возьмем тебя в дубье». Купец, подговоривший пьяную толпу на убийство Никиты, сам в битве не участвует. А эпиллог поэмы-трагедии, поэмы-притчи, заставляющей поразмыслить о характере всех русских бунтов — «бессмысленных и беспощадных» (Пушкин), извлечь из них уроки на будущее, тоже символический и пророческий: «А Марфида по меже / Добирается уже, / Причитает и хохочет, / Ноги сбитые волочит, / Не распутавши узла: / — Тяжела я! / Тяжела... / Поглядим, поищем-ка... / Бредет девка-нищенка — / В пинжаке мужичьем, / С жалостным обличьем, / Озираясь голодно... / АРЫСЬ-ПОЛЕ! / ТЕБЕ / ХОЛОДНО?»

Образ центральной России времен брежневского застоя К. рисует в поэме «Область» (1980). Сама К., стремящаяся к обновлению традиционных поэтических жанров и дающая им свои названия (например, поэме «Голубятня» определение «рассказ», а поэме «Утюг» — «характеристика»), именуется «Область» «сценарием». В поэме-сценарии и впрямь даются сцены народной жизни, увиденные К. на родной для нее Тамбовщине. В духе традиции Н. А. Некрасова она реалистически, с документально-натуралистической точностью рисует движущуюся панораму провинциальной российской, советской жизни в последние годы ее существования. В самой этой жизни, поистине застойной, почти никакого движения не ощущается: движущимся является ее худож. изображение, представленное чередой сцен, в которых рисуются обычные, рядовые люди различных возрастов и занятий, в т. ч. и автопортрет автора поэмы-сценария. В целом из этих сцен складывается образ выморочной, преимущественно «азиатской» по своему менталитету России, которая, однако, «умирает — выживая», то есть сохраняя живую душу в тяжелых исторических и бытовых обстоятельствах, которые эту душу стремятся убить, задушить,

погрузить в вечный летаргический сон. Поэма-сценарий заканчивается уверенностью ее автора в то, что, несмотря на внешний застой, на кажущееся безвременье, внутренне, подспудно, в жизни души совершалось движение и развитие: «Время шло. Время шло! Время шло!!!»

В лирике, философско-религиозной эссеистике и публицистике К. национально-историческая и метафизическая проблематика, связанная с взаимодействием кентаврических начал — языческого и христианского, европейского и азиатского, женского и мужского, бытового и бытийного — также занимает центральное место. Существенна в ее лирике тема взаимоотношений женщины и мужчины в интимной и общественной сферах, тема творческого самоутверждения женщины. Со временем в творчестве К. все определеннее основополагающими и путеводными становятся неохристианские, а точнее — неоправославные идеалы. В прологе к трагическому XX в. судьбоносную роль играли неохристианские, во многом противоположные друг другу, идеалы Л. Толстого и Вл. Соловьева. К официальному православию оба религиозных мыслителя, каждый по-своему, относились критически. Ныне, в постсоветское время, снова возрождается неофициальное, духовно-просвещенное неохристианство, в т. ч. и среди писателей. Неохристианство К. имеет отчетливо выраженный национальный, неортодоксальный и неоправославный характер. При этом К., как личность весьма активная, утверждает свои неоправославные идеалы не только в своем худож. творчестве и философско-религиозно-историософской эссеистике, но и в своей общественной деятельности. Так, например, по ее инициативе Загорску было возвращено историческое имя Сергиев Посад (см. ее обращение «**Вернуть святое имя!**» // Лит. газ. 1990. 26 дек.; заметку «**Воскресение Сергиева Посада**» // Лит. газ. 1991. 25 сент.).

Плодотворно К. работает как прозаик, переводчик, культуролог и лит. критик (см., например, ее статьи «**Козетта и один Бартрам**» // Согласие. 1991. № 4; «**Восстановление смысла**» // Лит. газ. 1992. 11 марта; «**Светлый путь в темноте**» // Лит. газ. 2000, 29 нояб.— 5 дек.; «**Судьба, которую не засчитали**» // Лит. газ. 2001. 3–9 окт.; ее рассказы, опубликованные в ж. «Истина и жизнь» — 2000. № 4, 5, 6 и 7).

Соч.: Перечень причин (Из книг, которые пишутся) / вступ. статья С. Москвина «Доверься мне, мое Отечество». М., 1982; Чуть что: Стихотворная книга в пяти час-

тах. М., 1987; Область: Стихотворения, баллады, рассказ, сценарий / послесл. «От автора». М., 1989; [Ответ на анкету «В начале была Правда» — о правде жизни и правде искусства] // Поэзия: альм. М., 1988. № 49. С. 13–15; [Ответ на анкету «Молодые — о себе»] // Поэзия: альм. М., 1990. № 55. С. 80–81; Поворот ключа в замке [Стихи] // Новый мир. 1998, № 7; Талды-Кустанай [Стихи] // Знамя. 1999. № 2; Тридцать восемь килограммов Жеки. Таня: Грязная дорожка в рай. Александра Ивановна: Кипарисовые руки. Антонина: глядящая по голове: рассказы // Истина и Жизнь. 2000. № 4, 5, 6, 7; Утюг: Характеристика: [Стихи] // Новый мир. 2000. № 9.

Лит.: Евтушенко Е. Огорчения и надежды // Поэзия: альм. М., 1979. Вып. 24. С. 72; М., 1980. Вып. 28. С. 74; Роднянская И. Молодо-зелено // Юность. 1984. № 1. С. 83; Эпштейн М. Поколение, нашедшее себя; Шайтанов И. Преимущественно о тридцатилетних: [Пути и проблемы молодой поэзии] // Вопр. лит.-ры. 1986. № 5; Мальгин А. Задержанное поколение // Октябрь. 1988. № 10; Щуплов А. // Пишу о главном... // Книжное обозрение. 1990. 20 апр.

М. Ф. Пьяных

КУЗИН Борис Сергеевич [28.4(11.5).1903, Москва — 26.4.1973, пос. Борок Ярославской обл.] — прозаик, поэт, переводчик.

Родился в семье бухгалтера. Отец К., Сергей Григорьевич, человек оригинальный и талантливый, отличался редкими способностями к языкам и музыке, был энтомологом-любителем. Мать, Ольга Бернардовна, прекрасно играла на фортепиано. У Кузиных было пятеро

Б. С. Кузин